

Роман Люм

Ветер знает имена

Роман Люм

Ветер знает имена

<https://litres.ru/74668704>

SelfPub; 2026

Аннотация

АННОТАЦИЯ

Капитан Элиас Хальворсен получает старую карту, на которой его пропавший брат Матиас отметил проход там, где его нет ни на одном атласе. Восемь лет назад «Альбатрос» исчез во льдах. Теперь Элиас ведёт китобойное судно «Северная звезда» на север — не только за уловом, но и за ответом.

Рейс оборачивается испытанием, в котором сталкиваются долг перед судовладельцем, право команды выбирать курс и встреча с людьми, не желающими быть найденными. В ледяных проливах, на пустынных островах и в бухтах, которых нет на картах, капитан и его команда узнают: иногда открытие — не в том, чтобы нанести новую землю на карту, а в том, чтобы понять, какие имена не следует на неё наносить.

«Ветер знает имена» — роман о молчании моря, цене решений и о том, что даже на самой точной карте остаются белые пятна, которые принадлежат не географии, а праву человека оставаться неназванным.

Роман в пятидесяти главах и эпилоге.

Содержание

Ветер знает имена	4
I. Условие	5
1. Чёрная полоса	5
2. Мастер бочек	7
3. Человек, который слышал карты	9
II. Выход в открытое море	12
4. Свист ветра	12
5. Первый кит	13
6. Долг на борту	15
III. То, чего нет на карте	18
7. Белая линия	18
8. Промер	20
9. Название пролива	22
10. Тишина под килем	23
11. Четыре свистка	26
12. Те, кто уже были	29
IV. Каменная чаша	34
13. Утро без сигнала	34
14. Договор на берегу	39
15. Книга имён	43
16. Цена стоянки	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Роман Люм

Ветер знает имена

Ветер знает имена

Полный текст романа.

На карте нет места, где можно оставить погибшего. Поэтому капитаны рисуют там берег.

I. Условие

1. Чёрная полоса

Карту капитан положил на стол между чашкой с остывшим кофе и ножом для писем. Она была старше корабля, старше конторы, в которой её развернули, и, пожалуй, старше самого капитана: бумага пожелтела по краям, а поверх старых линий кто-то провёл новые, тонкие и торопливые.

На севере лист заканчивался там, где чернила превращались в серый пух. В этом пухе рукой, которую капитан знал с детства, был выведен узкий проход между двумя островами. Надпись не принадлежала ни одному атласу: «Когда ветер повернёт к земле, не следуй за ним. Иди на голос».

Капитан Элиас Хальворсен прочёл её в который раз и свернул карту прежде, чем вошёл Йонас Восс.

Восс был владельцем двух китобойных судов, трёх складов, верёвочной мануфактуры и долга, который удерживал половину гавани в его руках. Он носил тёмный жилет, аккуратно застёгнутый на все пуговицы, и говорил так, будто каждое слово уже внесено в книгу расходов.

— Ты видел северный лист, — сказал он.

— Видел.

— И веришь ему?

Элиас не ответил сразу. Его старший брат Матиас пропал восемь лет назад на бриге «Альбатрос». Остались один матрос, обмороженный до слепоты, и обрывок этой карты, который море выбросило в бухту через полгода. Матрос утверждал, что «Альбатрос» раздавило льдом у западного берега Нордланда. Позже он говорил, что видел землю. Перед смертью он говорил, что не видел ничего.

— Я верю человеку, который её нарисовал, — сказал Элиас.

— Он был твоим братом.

— Это не делает его лучшим навигатором.

— Нет. Только делает тебя плохим судьёй.

Восс раскрыл книгу контрактов. На странице стояли подписи капитана, старшего помощника и ещё двадцати трёх моряков; последняя строка оставалась пустой.

— Судно выйдет в пятницу. Семь месяцев. Ты привезёшь не меньше тридцати бочек ворвани, две тонны уса и точную съёмку пролива, если он существует. Если вернёшься только с картой, я всё равно заплачу команде. Если вернёшься без улова и без карты, платить будет нечем.

— Ты обещал жалование, а не долю с улова.

— Я обещал то, что мог обещать, пока судно приносит прибыль.

— А если пролив опасен?

— Тогда не ходи туда.

Слова прозвучали легко. Восс мог позволить себе не хо-

дить: его имя не было на старой карте. Элиасу же восемь лет мерещился узкий проход между двумя серыми пятнами, буд-то там застряла последняя фраза брата.

— Ты хочешь, чтобы я нашёл его? — спросил капитан.

— Я хочу, чтобы ты вернулся с тем, за что я плачу. И чтобы ты не путал свою семейную беду с моим грузом.

Восс подвинул книгу. Элиас расписался под дополнительным условием: если на промысле возникнет опасность для судна, решение об отходе остаётся за капитаном. Слова были обычные. Он уже знал, что не сумеет прочесть их так же просто, когда придёт время.

У двери Восс окликнул его:

— Ты взял бы этот рейс, если бы карты брата не было?

— Да.

— Врёшь.

— Возможно.

— Это лучше.

2. Мастер бочек

Ларс Вике пришёл в контору с руками, пахнувшими дубом и горячей смолой. Он был бондарем, как его отец, и считал море плохим местом для человека, который привык измерять вещи окружностью. Но в гавани закрылся цех, долги съели инструменты, а младшие сёстры не могли прокормиться надеждой.

Он подписал контракт, не дочитав его до конца. Читать он умел, но медленно; Восс торопил, а под дверью ждали другие. Ларс подумал, что в море каждая строка всё равно станет правдой по-своему.

На палубе «Северной звезды» он познакомился с корабельным плотником Олафом Ринде, который показал ему бочки и заставил простучать каждую.

— Пустая бочка тоже работа, — сказал Олаф. — Плохая бочка — уже чья-то потеря.

Ларс провёл костяшками по клёпкам. Две были свежими, одна разохлась.

— Эту нельзя брать.

— Её уже взяли. Попробуй теперь объяснить это купцу.

— Я не купец.

— Вот поэтому и объяснять будешь ты.

Олаф был широк в плечах, сутул, с руками человека, который слишком долго спорил с древесиной. Его левая нога волочилась; он говорил, что это от лошади, но Ларс слышал, что никто на корабле ему не верит.

Судовой писарь записал Ларса как бондаря, матроса и помощника в журнале. Всё это было одной работой лишь в том случае, если корабль не требовал сразу двух из них.

На пристани капитан проверял груз. Он остановился у связки инструментов Ларса и спросил:

— Умеешь чинить обручи в море?

— Если есть дерево и огонь.

— А если нет?

— Тогда умею считать, сколько бочек ещё выдержат.

Капитан посмотрел на него так, будто ответ был неудачным, но полезным.

— На этом судне считай всё.

Ларс спросил, что именно.

— Людей, провизию, бочки, дни. И не считай, что одно можно заменить другим.

Над ними развевался штандарт «Северной звезды». Ветер трепал ткань, не раздувая её. На берегу стояли родственники матросов. Кто-то махал. Кто-то прятал лицо в рукав. Одна женщина подняла ребёнка повыше, чтобы тот увидел отца.

Ларс подумал о матери. Она не пришла. Перед уходом она сказала ему только: «Вернись не обязательно богатым. Вернись человеком, с которым можно жить».

Он не знал, почему эти слова показались ему тяжелее бочек.

3. Человек, который слышал карты

В «Северной звезде» был ещё один пассажир, которого Восс записал как наблюдателя, а капитан — как лишнюю обязанность. Его звали Самуил Берг, ему было двадцать семь, и он умел определять широту по звёздам, но не умел держать равновесие на палубе.

Он вёз приборы для магнитных наблюдений и большой

ящик с книгами. Ящик следовало держать сухим; на судне, как объяснил Олаф, сухим следовало держать прежде всего порох, потом хлеб, потом людей, если останется место.

Берг не был учёным, как он сам говорил. Он окончил школу при навигационном обществе, три года работал помощником картографа и один раз провёл зиму на острове. Он не скрывал, что его взяли в рейс потому, что Восс хотел получить данные, которыми можно было торговать.

— Положение магнитного севера меняется, — сказал он Ларсу, когда тот закреплял ящик. — Если не записывать отклонение компаса, следующая карта будет ошибаться.

— Компас ошибается сам?

— Компас показывает то, что есть. Ошибается тот, кто думает, будто показание само объясняет мир.

— Тогда почему его не выбросить?

— Потому что иногда он прав.

Берг рассмеялся. Он был из тех, кто смеётся в момент, когда собеседник ещё решает, шутка ли это.

Капитан встретил его у трапа.

— Ваша работа — наблюдать, мистер Берг. Не убеждать меня, куда вести судно.

— Я и не собираюсь.

— Хорошо.

— Но если вы поведёте нас в опасность, я это запишу.

— Записывайте и то, что я вывел вас из неё.

— Если успею.

Элиас ушёл прежде, чем Берг ответил. Ларс посмотрел вслед и решил, что капитан не любит людей, которые оставляют его слова на бумаге.

Самуил же наклонился к нему:

— Он прав в одном. Иногда не успеваешь.

— Тогда зачем писать?

— Чтобы те, кто придут после, не приняли нашу удачу за закон природы.

II. Выход в открытое море

4. Свист ветра

В пятницу «Северная звезда» вышла из гавани. На палубе пахло смолой, мокрой пенкой, солёной рыбой и человеческим страхом, который каждый называл другим словом.

Первые дни море было спокойным. Люди привыкали к качке, к порядку вахт, к голосу боцмана Кнута, который считал приказом любое предложение, высказанное громче ветра. Ларс чинил крышки бочек, пересчитывал клёпки, помогал на помпе и записывал расход воды. Он быстро понял, что в море числа не прибавляют уверенности — они только сообщают, когда её уже не осталось.

На четвёртый день поднялся северо-восточный ветер. Корабль накренился, и один из ящиков с провизией сорвался с крепления. Его остановила цепь, но два мешка муки порвались. Мука разлетелась по палубе белой пылью.

Кнут приказал смыть её за борт. Кок возразил, что это половина дневной порции. Началась перепалка. Капитан вышел из каюты, посмотрел на мокрую муку и велел сушить её у печи, насколько получится.

— Это будет грязная каша, — сказал кок.

— Грязная каша лучше пустой миски.

— Не если потом заболеют все.

— Тогда вы будете правы, и я это запишу.

Кок не улыбнулся. Он собрал муку в холщовый мешок и отнёс вниз.

В ту ночь Ларс стоял на палубе с боцманом. Ветер выл в снастях, будто повторял чьё-то имя. Ларс спросил, слышит ли тот слова.

— Ветер слов не знает, — ответил Кнут.

— А что тогда слышно?

— Тех, кто уже умер. Они говорят теми же голосами, что и живые. В этом и беда.

На следующее утро Самуил спросил Ларса, сколько человек из команды уже ходили в арктические воды.

— Не знаю.

— Ты ведь считаешь всё.

— Капитан велел считать всё, но не спрашивал, сколько из них живы после прошлого рейса.

Берг записал число двадцать три, зачеркнул и написал: «не менее девяти». Ларс спросил, зачем он исправил.

— Потому что не знаю точного числа.

— Но девять — тоже догадка.

— Зато честная.

5. Первый кит

Первого кита увидели у кромки тумана. Он показался на

мгновение — длинная чёрная спина, выдох, и столб пара поднялся над серой водой. На палубе всё изменилось. Разговоры оборвались, люди потянулись к бортам, капитан поднял бинокль.

Кнут раздал команды. Два вельбота спустили на воду. В каждом сидели шестеро, впереди — гарпунщик. Ларс оказался в шлюпке плотника, подменяя больного гребца. Он умел держать весло, но не знал, как дышать, когда кит уходил под лодку.

Море вблизи было не серым, а зелёным. Кит исчез, оставив круги. Гарпунщик Торвальд поднял руку и велел всем замереть. Когда зверь вынырнул, лодка ударилась о волну боком. Гарпун вошёл в спину. Верёвка пошла через борт так быстро, что обожгла ладонь гребца. Капитанский вельбот отрезало от остальных и потащило за добычей.

— Режь! — крикнул Торвальд.

Ларс увидел, что верёвка захлестнула ногу молодого матроса Йерна. Он бросил весло и полез к нему. Остальные кричали, чтобы он не трогал линию. Ларс обхватил верёвку обеими руками, не думая, что та может перерезать его пополам. Торвальд рубанул ножом. Верёвка лопнула, лодка выпрямилась, а кит ушёл.

Йерн лежал на дне, бледный, но целый. На его ноге осталась глубокая борозда.

Когда их подняли на борт, Кнут спросил, кто перерезал линию.

— Я, — сказал Торвальд.

— Я видел Ларса.

— Ларс держал лодку. Я отдал приказ.

Капитан спросил, кто виноват в потерянном гарпуне. Никто не ответил. Потом Йерн, всё ещё дрожа, сказал:

— Если бы он не полез, я бы не вернулся.

— Ты вернулся, — сказал капитан. — Это пока не объясняет, кто нарушил приказ.

Ларс не знал, почему это прозвучало хуже наказания.

Кит не вернулся. К вечеру ветер стёр круги, и на воде не осталось следа от охоты.

В журнале улова появилась запись: «Кит замечен, гарпун потерян. Матрос Йерн повреждён. Добычи нет».

Капитан перечитал её и добавил: «Ларс Вике спас матроса, нарушив приказ ждать команды».

Ларс не просил записывать его имя. Он понял, что теперь его поступок будет идти с ним по морю как вещь, которую нельзя выбросить за борт.

6. Долг на борту

После первого кита отношение к Ларсу изменилось. Одни благодарили его за спасение Йерна; другие говорили, что он мог погубить всю лодку. Сам Йерн не мог ходить без поддержки, и его отправили в кубрик. Кок добавил к его порции немного сушёного яблока, не спросив капитана.

Ларс вернулся к бочкам. В одной из них он обнаружил тонкую течь. На досках темнел жирный след. Он показал его Олафу.

— Эта бочка была в списке исправных.

— Список составлял писарь. Он не знает, как пахнет плохая клёпка.

— Капитан велел считать всё.

— Считать — не значит понимать.

Они вынули бочку, перелили содержимое в запасную и нашли, что часть масла ушла в трюм. Восс потеряет деньги, если придётся списать груз. Капитан приказал пометить бочку как испорченную, хотя можно было подлатать её и скрыть потерю.

— Это снизит нашу долю, — сказал помощник.

— Доля не успеет снизиться, если бочка лопнет в шторм, — ответил капитан.

Помощник ушёл, не споря. Олаф посмотрел на Элиаса так, будто видел в нём человека на одну минуту дольше, чем прежде.

— Ты часто выбираешь корабль вместо людей? — спросил он.

— Если корабль погибнет, люди погибнут вместе с ним.

— Не все. Иногда корабль уходит, а кто-то остаётся.

Капитан посмотрел на его волочащуюся ногу.

— Ты говоришь о прошлом.

— Я говорю о том, что нельзя записать в журнал.

В тот вечер Ларс заметил, что у Олафа на койке лежит деревянная фигурка птицы. Её крыло было сломано и склеено тёмной смолой. Плотник не позволял никому брать её в руки.

— Это с прежнего судна? — спросил Ларс.

— Нет. С берега.

— Кто сделал?

— Человек, которому я должен больше, чем могу вернуть.

Он накрыл птицу тряпицей.

III. То, чего нет на карте

7. Белая линия

На двадцать третий день они увидели лёд. Сначала он был тонкой белой линией на горизонте; потом отдельные льдины стали попадаться вокруг судна, постукивая о борт, будто кто-то шёл рядом и перебирал камни.

Элиас велел уменьшить парус. Штурман Нильс разложил карту и провёл пальцем вдоль берега. На листе, который принёс Самуил, лёд начинался южнее. На карте Матиаса — севернее.

— Какая из них верна? — спросил капитан.

— Ни одна не может быть верной целиком, — сказал Берг.
— Лёд перемещается.

— Я спросил не о леднике. Я спросил о том, какой карте доверять.

— Это разные вопросы.

— На суше — возможно. Здесь — нет.

Они шли вдоль кромки, пока вахта не заметила тёмную полосу в тумане. Она могла быть водой между льдинами, а могла — берегом. Капитан сверил компас и старую карту. Там был обозначен небольшой мыс, которого не было в новых изданиях.

— Туда не пойдём, — сказал помощник Хансен. — Глубина неизвестна.

— На карте написано, что там проход.

— На карте вашего брата.

Слово повисло между ними. Элиас взглянул на помощника, но тот не отвёл глаз.

— Ты служил с ним? — спросил капитан.

— Нет. Я служил с человеком, который поверил ему.

— Кто?

— Мой отец. Он погиб на «Альбатросе».

На палубе стало тихо. Ларс впервые понял, что не все на судне пришли за заработком. Некоторые принесли на борт свои старые счёты, и капитан не мог знать, где они спрятаны.

Элиас приказал снять курс вдоль льда и не входить в проход до промера. Это было разумное решение. Но ночью, когда ветер сменился и туман сгустился, он долго стоял в каюте над картой брата.

Самуил постучал и вошёл без приглашения.

— Вы хотите проверить проход.

— Я хочу знать, существует ли он.

— Если он существует, это не значит, что его можно пройти.

— Вы учёный. Вам положено различать факт и возможность.

— Мне положено записывать, что мы видели. Не приписывать карте то, чего она не обещает.

— Карта не обещает ничего. Её рисуют люди.

— Именно.

Элиас свернул карту.

— Завтра пойдём на промер.

8. Промер

Утром спустили шлюпку с промерным лотом. В ней были Нильс, Самуил, Торвальд и двое гребцов. Ларс остался на судне, чинить люк в трюме, но следил за шлюпкой, пока та не стала точкой между льдинами.

Верёвка шла в воду, отметка за отметкой. На одном участке глубина резко уменьшилась. Нильс поднял руку. Впереди между береговым льдом и длинной льдиной открылся канал, узкий, но достаточно широкий для шлюпки. Судно не прошло бы, если края сойдутся хотя бы на несколько ярдов.

Самуил сделал наблюдение, зарисовал берег и указал на полосу, где вода двигалась быстрее.

— Течение идёт наружу, — сказал он. — Если прилив сменится, лёд сомкнётся.

— Когда? — спросил Нильс.

— Не знаю.

— Тогда это не проход.

— Это проход сейчас.

Шлюпка вернулась до полудня. Капитан изучал зарисовки, не глядя на Нильса.

— У нас есть окно, — сказал он.

— У нас есть канал, — ответил Нильс. — Окно — это уже ваша догадка.

— Как долго он останется открытым?

— Может быть, до вечера. Может быть, неделю. Лёд не подписывает договоров.

Хансен возразил, что судно не должно входить в незнакомый пролив без второго промера. Элиас назначил его на рассвет. Затем распорядился проверить снасти, закрепить бочки и подготовить шлюпки.

Ларс спросил Олафа, что тот думает.

— Я думаю, что люди, которые называют канал проходом, собираются пройти по нему. Люди, которые называют его ловушкой, уже решили, что им там нечего искать.

— А ты?

— Я думаю, что лёд никого не спросит, как мы его назвали.

Вечером море стало тише. Кромка льда отдалялась от судна и снова приближалась. На западе туман поредел, и показались две тёмные вершины. Между ними лежала такая ровная полоска воды, будто кто-то разрезал камень ножом.

Элиас стоял у борта. Он не смотрел на вершины; он смотрел на карту в руке.

9. Название пролива

Утром второй промер подтвердил глубину, но не течение. Канал не был ровным: в одном месте лот коснулся камня, в другом вернулся без дна. Самуил предложил не вести туда судно. Хансен сказал, что даже шлюпка может застрять, если лёд сдвинется.

Капитан приказал держать курс к проливу.

— Вы не можете знать, что он безопасен, — сказал Самуил.

— Я не говорил, что он безопасен.

— Вы ведёте корабль туда, где не знаете глубины.

— Я веду корабль туда, где есть шанс пройти.

— Это не то же самое.

— Именно поэтому я капитан, а вы наблюдатель.

Нильс возразил, что решение должно быть записано в судовом журнале до входа. Капитан повернулся к нему.

— Пишите.

Нильс раскрыл журнал. Элиас диктовал медленно: «Ввиду доступного канала и ожидания закрытия льда капитан принимает решение провести судно через пролив, обозначенный на старой карте...»

— Как назовём его? — спросил писарь.

— Пока никак.

— В книге промеров должен быть ориентир.

— Тогда напишите «безымянный».

Самуил посмотрел на карту брата. На старом листе рядом с проливом была едва заметная запись: «Тихий звук».

— Здесь уже есть имя, — сказал он.

— Это не имя, — ответил Элиас. — Это подсказка.

— Для кого?

— Для того, кто умеет слушать.

Он приказал поднять паруса. Команда не двинулась. На мгновение ветер и море будто стихли, ожидая, кто первым нарушит молчание.

Потом Кнут крикнул: «На брасы!» — и люди побежали.

Ларс привязал к бочкам дополнительные канаты. Кок вынес на палубу ящик с хлебом и спросил, в какой трюм ставить, если придётся бросать груз. Капитан велел держать его у трапа.

— Мы не бросаем провизию, — сказал Хансен.

— Я не сказал бросать. Я сказал держать у трапа.

Ветер ударил в паруса, и корабль повернул к узкому проходу.

10. Тишина под килем

Первые часы «Северная звезда» шла между льдами медленно. Лот мерили каждые десять минут. На носу стоял человек с багром, отталкивая мелкие льдины. Вода была чёрной и гладкой, будто судно скользило не по морю, а по стек-

лу.

Туман закрыл выход. Впереди слышался звук, похожий на долгий выдох. Кто-то сказал, что это ветер. Другой — что кит. Третий уверял, что под водой раскалывается лёд.

Самуил вёл записи на колене. Рука дрожала от холода, чернила замерзали. Он различал время, курс, глубину, направление течения. Звука в таблице не было.

— Что слышишь? — спросил его Ларс.

— Не знаю.

— Тогда зачем записываешь?

— Потому что если не записать, через год кто-нибудь скажет, что мы слышали именно то, что ему нужно.

В полдень лёд сдвинулся. Сперва это почувствовали не по звуку, а по тому, что судно перестало двигаться. Паруса провисли. На палубе натянулись канаты. Длинная льдина справа повернулась носом к борту.

Капитан приказал отдать якорь, но цепь пошла с рывком. Якорь зацепился за камень; корабль развернуло поперёк канала. Вода перед носом побелела от давления.

— Рубить цепь! — крикнул Хансен.

— Подождать! — приказал капитан.

— Если лёд сомкнётся, мы не успеем!

Элиас смотрел на течение у борта. Оно шло не к выходу, а вдоль каменной стены, уводя судно в боковую протоку. Он вспомнил запись брата: «Когда ветер повернёт к земле, не следуй за ним. Иди на голос».

С берега донёлся тот же низкий звук.

— Право на борт! — крикнул Элиас. — Резать цепь. Подать парус к стене!

Хансен выполнил приказ. Якорная цепь лопнула. Судно проскользнуло между льдиной и камнем, едва не задев бортом скалу. Удар всё-таки пришёлся по корме; доски застонали. Один из матросов упал, его рука оказалась зажата между бочкой и стойкой.

Ларс бросился к нему. Олаф крикнул, чтобы тот не поднимал бочку за край. Они подложили под неё лом, освободили матроса, но кисть была раздавлена.

Корабль вышел из узкой протоки в широкую бухту. Лёд остался за кормой. Ни один человек не заговорил, пока не опустили шлюпку и не проверили повреждения.

Хансен был бледен от злости.

— Мы прошли потому, что течение вынесло нас, — сказал он. — Не потому, что карта была права.

Элиас посмотрел на компас.

— На карте и было течение.

— Не это.

Капитан не ответил. Он видел на берегу белую полосу, похожую на старый шрам. На вершине стояли три каменные гряды. Вода между ними была спокойной, как озеро.

Самуил записал координаты и впервые не стал добавлять предположение.

— Что назовём бухту? — спросил писарь.

Элиас посмотрел на команду. Один матрос держал раздавленную руку у груди. Другой лежал рядом, пытаясь не стонать. Корабль потерял якорь и часть кормовой обшивки.

— Ничего, — сказал капитан. — Сначала узнаем, где мы.

С берега донёлся звук снова — ровный, протяжный, почти человеческий.

И на этот раз капитан узнал не голос брата, а его сигнал: три коротких свистка и один долгий. Так Матиас звал его в детстве через весь порт, когда оба теряли друг друга среди мачт и рыбных рядов.

Элиас не ответил. Он приказал держать курс в бухте и оставить паруса приспущенными. До темноты оставалось меньше часа. За скалой кто-то снова свистнул — уже слабее, словно передумал.

11. Четыре свистка

Капитан не спускал шлюпку до рассвета. Он назвал это осторожностью; Хансен — страхом; Самуил — единственным разумным решением, которое не требовало немедленно решать, кто прав.

Ночью вахта слышала свист ещё дважды. Один раз — далеко с берега. Второй — со стороны моря.

Ларс стоял у крепёжных канатов и смотрел туда, где в темноте исчезал ледяной проход. Свист повторился. Три коротких, один долгий. Он не знал сигнала Матиаса, но теперь,

услышав его, уже не мог представить другого.

— Может, матрос с другого судна, — сказал он.

— Здесь нет другого судна, — ответил Элиас.

— Тогда человек с берега.

— Или птица.

— Птицы обычно не ждут ответа.

Капитан посмотрел на него, и Ларс понял, что сказал лишнее.

Утром «Северная звезда» проверила повреждения. Кормовую обшивку рассекло; вода просачивалась медленно, но помпа работала. Якорь остался в проливе. Без запасного они не могли безопасно стоять на открытой воде, однако бухта была спокойной. Нильс снял глубины, Самуил нанёс на карту вход и поставил рядом маленький крест — не знак открытия, а отметку места, где пропал якорь.

— У берега есть укрытие, — сказал Хансен. — Если там есть дерево, можно починить обшивку. Если нет — найдём подходящую бухту и уйдём.

— А если там люди? — спросил Элиас.

— Тогда спросим, кто они.

— С какой стати они обязаны отвечать?

Хансен не сразу нашёл слова.

— Мы здесь первые.

Самуил поднял глаза от карты.

— Мы здесь первые из тех, кого вы записали.

Капитан разослал шлюпки. Одну повёл Нильс, вторую —

Хансен, третью — Торвальд. Самуил попросился с последней. Элиас хотел оставить его на судне, но, увидев, как тот уже затягивает пояс с карандашами, передумал.

Ларс не должен был идти, пока не закончит укреплять повреждённые бочки. Он всё же оказался в шлюпке — незамеченный для ремонта и слишком медленный, чтобы его можно было отослать назад без объяснения.

Они прошли вдоль скал и нашли узкую бухточку, почти скрытую мысом. Там на камне лежал старый обломок весла. В древесине виднелись следы тесла, а на торце — четыре царапины.

— Это метки счёта, — сказал Ларс. — Четыре человека или четыре бочки.

— Или просто четыре удара ножом, — сказал Хансен.

Самуил поднял весло, но не стал стирать грязь. Он сфотографировал бы находку, если бы у него был фотоаппарат; вместо этого зарисовал форму и положение.

— Оно не могло лежать здесь долго, — сказал он. — Дерево целое.

На берегу нашлись и следы: два ряда подошв, один почти стёртый приливом; второй свежий, с глубокими каблуками. Следы вели к осыпи, а оттуда — вверх, к уступу. Ни одного обратного следа не было.

Торвальд предложил вернуться за остальными и осмотреть место всем отрядом. Хансен хотел идти дальше немедленно. Элиас решил не разделяться: они оставили на берегу

отметку, которую поймёт команда, и вернулись на судно.

У трапа капитан остановил Самуила.

— В журнале не должно быть слова «поселение».

— Я ещё не писал.

— И не пишите, пока не узнаем, что видели.

— Хорошо. Напишу «следы присутствия».

— Это звучит хуже.

— Зато точнее.

Капитан не ответил.

Когда шлюпки уже поднимали на борт, с берега снова донёсся сигнал. На этот раз четыре свистка прозвучали ближе, будто человек спустился к самой воде.

Элиас шагнул к борту. Его лицо стало таким, каким Ларс ещё не видел: не сердитым, не испуганным, а пустым от усилия не ответить.

— Спустить шлюпку, — сказал он.

12. Те, кто уже были

В бухту отправились все трое: капитан, Хансен и Самуил. Элиас взял с собой только компас, нож и карту брата. Хансен — ружьё. Самуил — пустой блокнот.

На берегу они нашли старый волокушный след. Две параллельные борозды пересекали каменную площадку и терялись у подножия осыпи. Кто-то тащил тяжёлый груз наверх. На скале виднелась насечка: круг, перечёркнутый четырьмя

линиями. В стороне лежали остатки кострища, прикрытые плоскими камнями.

— Это не вчерашний костёр, — сказал Хансен.

Самуил провёл пальцем по пеплу, не касаясь его.

— Но и не древний. След дождя ещё не успел смыть край.

На уступе они обнаружили деревянную дверь, прислонённую к камням. Её петли были выломаны, а на доске вырезали имя: «АЛЬБАТРОС». Буквы были неровные, в последней не хватало ножки. Элиас не сразу понял, что перестал дышать.

Хансен первым нарушил тишину.

— Это может быть обломок с корабля.

— Может, — сказал капитан.

— Такие названия дают многие суда.

— Может.

— Ваш брат не единственный, кто умел писать.

— Я знаю.

Самуил не трогал дверь. Он осматривал землю вокруг неё. Следы вели за валун, где был устроен тайник: несколько пустых жестяных коробок, обрывок промасленной ткани и костяная пуговица. На внутренней стороне ткани проступали чернила. Элиас узнал почерк брата раньше, чем разобрал слова.

«Не входить при отливе. Не брать из каменной чаши. Если услышишь свист — ответь один раз. Если ответят снова, жди до утра».

Ниже шла дата, выцветшая настолько, что сохранились

только месяц и первая цифра года. Это могло быть написано семь лет назад. Могло — позже. Никакого имени рядом не было.

Хансен хотел забрать ткань на судно.

— Если кто-то придёт сюда, мы должны оставить знак, — сказал Самуил. — Не уносить единственное сообщение.

— Это сообщение моего брата, — сказал Элиас.

— Именно поэтому нельзя делать с ним то же, что мы делаем со всякой найденной вещью: объявлять её своей.

— Если он жив, он оставил это для меня.

— Или для того, кто сумеет прочесть.

Элиас сжал ткань. Ветер потянул её край, и чернила дрогнули на свету. Он вспомнил, как Матиас учил его не смотреть на линию горизонта, когда нужно найти обратный путь: смотри, говорил он, на то, что изменилось с последнего раза. Теперь изменилось всё — земля, возраст, имя на двери, собственная жизнь Элиаса. А он всё ещё искал одну точку на карте.

Они не забрали ткань. Самуил зарисовал её и переписал слова на отдельный лист. Элиас оставил у двери свою визитную табличку с именем корабля и датой. Потом передумал и снял её.

— Если он вернётся, он должен узнать, кто был здесь, — сказал Хансен.

— Если он вернётся, он и так узнает, — ответил капитан.

— А если не узнает?

— Тогда не хочу, чтобы его первым приветствием стало чужое имя на его двери.

Перед уходом Ларс заметил в стороне ещё одну вещь: дубовый обруч от бочки, на котором были выжжены буквы «М.Х.» и год. Он показал находку капитану. Тот долго держал обруч, словно измерял его не окружность, а расстояние между двумя берегами.

— Это был наш груз? — спросил Ларс.

— Не знаю.

— Значит, бочка могла прийти сюда с другим судном.

— Да.

— Или с «Альбатросом».

Элиас положил обруч на камень и не взял.

Возвращаясь к шлюпке, они слышали сигнал. Три коротких свистка, один долгий. Капитан остановился.

Хансен поднял ружьё. Самуил закрыл блокнот. Элиас ответил одним коротким свистком — не четырьмя.

Склон молчал.

Потом из-за гребня донёсся единственный долгий звук. Не знак, не слово, не имя — только ответ, которому предстояло ждать утра.

На обратном пути Элиас велел подготовить судно к стоянке в бухте. Улов был нулевым; якоря не было; один матрос не мог работать рукой. Восс уже терял деньги. А на берегу лежало послание, которое могло принадлежать пропавшему человеку, погибшему человеку или просто чужой памяти.

В судовом журнале Самуил записал: «На берегу обнаружены следы пребывания людей и предмет с названием судна „Альбатрос“. Сделать вывод о присутствии уцелевших пока невозможно».

Капитан прочёл запись.

— Оставьте.

В ту ночь никто не услышал сигнала снова.

IV. Каменная чаша

13. Утро без сигнала

На рассвете бухта была пустой.

Это не значило, что ночью на берегу никого не было. Туман опустился так низко, что скалы исчезли, и любой человек мог пройти вдоль воды, не показавшись с корабля. Но Элиас не позволил спускать шлюпку, пока не поднялось солнце. Он велел сначала осмотреть корму, затем пересчитать людей и только потом высадиться.

— Вы надеетесь, что человек на берегу подождёт, пока мы закончим инвентаризацию? — спросил Хансен.

— Я надеюсь, что если он не подождёт, мы хотя бы будем знать, чего нам не хватает.

— Нам не хватает якоря.

— Его уже не вернуть.

— Нам не хватает времени.

— Времени тоже не вернуть.

Хансен перестал отвечать. Он не любил, когда капитан говорил так, будто всякая практическая забота была всего лишь другой разновидностью философии. Но Элиас не отвёл взгляд от счётного листа, пока не убедился, что никто не пропал с корабля за ночь.

Никто не пропал. Корму подтянули цепью, пробоину заложили деревянными клиньями и паклей. Повреждённый матрос, Йерн, лежал в кубрике с перевязанной кистью. Врач сказал, что пальцы останутся, если не начнётся жар. Ворвань из одной течной бочки перелили, но часть груза испортилась. Капитан распорядился записать потери по имени и весу — не общей строкой «ущерб от льда».

Ларс заметил, что боцман Кнут посмотрел на него, когда писарь выводил его фамилию в строке о спасённом Йерне.

— Не делай вид, будто тебя не касается счёт, — сказал боцман. — Если ты там, ты уже внутри цифры.

— А если меня не запишут?

— Тогда внутри цифры окажется кто-нибудь другой.

Перед высадкой Элиас приказал оставить ружья на судне. Хансен возразил, что берег неизвестен, а сигнал мог быть приманкой.

— Тот, кто хотел бы нас убить, мог просто не свистеть, — сказал Самуил.

— Это не делает его добрым.

— Нет. Только менее удобным для вашей догадки.

Капитан взял нож и компас. Хансен оставил ружьё, но спрятал пистолет под курткой. Ларс увидел это и ничего не сказал.

В этот раз они шли не к двери с надписью, а к низкому каменистому пляжу за мысом. Там лежал широкий валун с круглым углублением. В нём стояла пресная вода. На краю

чаши было вырезано четыре неглубоких насечки. Рядом лежал свежий кусок хлеба, завернутый в ткань.

Хансен поднял хлеб.

— Не трогай, — сказал Элиас.

— Это хлеб.

— Это оставили для кого-то.

— Может быть, для нас.

— Тогда они могли сказать.

Самуил осмотрел камень. На воде плавала тонкая деревянная щепка, которую кто-то положил поперёк чаши. Ветер не мог занести её так ровно.

— Это знак, — сказал он. — Но мы пока не знаем, что именно он значит.

Капитан не стал пить. Он положил рядом с хлебом закрытую банку сухарей с корабля и отошёл на несколько шагов. Это было не предложение обмена — скорее признание, что он увидел оставленную вещь и не считает её ничейной.

Они ждали.

Сначала ничего не происходило. Потом на гребне скалы показался человек. Это была женщина в длинной куртке, с капюшоном, стянутым ремнём. В одной руке она держала деревянный шест, другой показывала пустую ладонь. Она шла медленно, не приближаясь к чаше.

— Вы ответили не тем сигналом, — сказала она по-английски.

Голос у неё был хриплый, словно от долгого молчания или

ветра.

— Я ответил тем, который счёл безопасным, — сказал Элиас.

— Для кого?

Он не нашёл ответа.

Женщина опустила шест на камень.

— Вы пришли за водой или за тем, кто свистел?

— Пока не знаем, что из этого одно и то же.

Она посмотрела на хлеб. Не на банку сухарей.

— Вы не взяли.

— Не знал, кому он принадлежит.

— Хорошо.

— Вы оставили его для нас?

— Я оставила его для человека, который не станет брать то, чего не понимает.

— А если бы мы взяли?

— Тогда бы я ушла.

— И всё?

— Вы бы остались без воды.

Хансен едва заметно усмехнулся. Женщина заметила и не улыбнулась.

— Как вас зовут? — спросил Элиас.

— Руна.

— Капитан Элиас Хальворсен. Это Хансен, Самуил Берг и Ларс Вике.

— Я не спрашивала, кто вы. Я спросила, зачем пришли.

— Мы ищем безопасный проход и место для ремонта. А ещё следы судна «Альбатрос», которое пропало восемь лет назад.

Руна долго смотрела на него.

— Тогда вам надо было спросить сначала про воду.

Она взяла хлеб, разломилла его пополам и положила одну половину обратно в каменную чашу.

— Пейте. Не из чаши. Ниже, где ручей выходит из камня. В чашу приходят те, кто не может дойти до ручья.

— Кто это? — спросил Ларс.

— Те, чьих имён вы пока не знаете.

Она показала им дорогу к тонкому ручью, где вода просачивалась сквозь щель между камнями. Пока они наполняли фляги, Руна оставалась на расстоянии.

— Вы сказали, что ищете «Альбатрос», — произнесла она. — Какого года?

Элиас назвал год и имя брата.

Руна посмотрела на него без жалости.

— Я знала человека с этим именем. Он умер здесь.

Капитан чуть не выронил флягу. Руна подняла руку, словно хотела остановить вопрос, который уже шёл к её губам.

— Я не сказала, что знаю, когда. И не сказала, что знаю, от чего. Если хотите услышать больше, приходите без ружей. И оставьте на берегу только то, что готовы потом забрать обратно.

— А если мы не вернёмся? — спросил Хансен.

— Тогда мы будем знать, что вы не вернулись.
Руна ушла по склону, не оглянувшись.

14. Договор на берегу

Элиас вернулся на судно и собрал старших. Он не сообщил команде, что Руна сказала о смерти Матиаса. Не потому, что хотел скрыть, а потому, что ещё не знал, можно ли этому верить. Он произнёс только, что на берегу живут люди, готовые говорить, если команда не будет вооружена.

— Они хотят нас разоружить, — сказал Хансен.

— Они хотят, чтобы мы не приходили к ним с ружьями.

— Это одно и то же.

— Только если ты заранее решил, что собираешься стрелять.

— Мы не знаем, сколько их.

— Поэтому мы не идём туда всем экипажем.

Самуил предложил отправить двух человек и оставить остальных на судне. Ларс должен был остаться чинить корпус; он возразил, что Руна попросила оставить на берегу только то, что можно забрать, а бондарь понадобится для ремонта. Элиас решил взять его, но лишь при условии, что он не будет отходить от группы.

Второй раз на берег пошли Элиас, Самуил, Ларс и Хансен. Оружия не было. Только инструменты, аптечный мешок и рулон холста. Хансен оставил свой пистолет в каюте, но не

сказал, спрятал ли ещё один.

Руна ждала у ручья. Она повела их к гребню, где за каменной стеной стояли три низких строения. Их сложили из дёрна, обломков досок и камня. Одно было покрыто парусиной. У входа сушились сети; рядом лежали несколько деревянных рам, выкрашенных синим.

На площадке было шестеро взрослых и двое детей. Они не бросились навстречу, не спрятались, не стали смотреть на корабль. Один мужчина продолжал чинить сеть, пока Руна объясняла, кто пришёл.

— Это не деревня, — сказала она. — И не владение. Здесь остаются те, кому некуда идти, пока у них есть причина оставаться.

— Сколько вас? — спросил Хансен.

— Достаточно.

— Для чего?

— Чтобы знать, сколько нас.

Один из детей, мальчик лет восьми, смотрел на Ларса. На его куртке был пришит круглый кусок дуба с четырьмя насечками.

Ларс узнал форму. Обруч от бочки с буквами «М.Х.» мог быть частью такой же метки.

— Мы нашли деревянный обруч у старого лагеря, — сказал он. — Буквы М.Х. и год.

Руна не изменилась в лице, но мужчина у сети перестал работать.

— Кто его нашёл? — спросила она.

— Я.

— А кто видел?

— Капитан, Самуил, Хансен. Я не забрал его.

— Почему?

— Потому что не знаю, кому он принадлежит.

Руна впервые взглянула на него так, будто он сказал что-то важное.

— Хорошо. Значит, вы умеете оставлять вещи там, где нашли.

— Не всегда, — сказал Элиас.

— Это тоже хорошо. Люди, которые говорят «всегда», обычно лгут.

Она предложила им сесть у стены, но предупредила, что пищи не даст. Запасов мало; чужой корабль не может превращать их в трактир. Элиас сказал, что они могут заплатить сухарями, солью, иглами и древесиной. Руна отказалась от древесины: всё дерево на берегу было учтено и предназначено для ремонта их лодок.

— Мы можем использовать доски от повреждённой бочки, — предложил Ларс. — Они наши.

— Если вы их принесёте сюда, они станут частью общего ремонта, — сказала Руна. — Не отдавайте то, что собираетесь потом требовать обратно.

Ларс понял, что она говорит не о досках.

В итоге они договорились иначе: Самуил нанесёт на карту

безопасную стоянку, но не будет отмечать её как открытую гавань; Руна позволит провести ремонтную лодку к внешнему берегу, где лежал выброшенный лес. Ларс осмотрит его и скажет, пригоден ли он для временной заплаты. Никто не получал права на бухту, воду или берег.

— Если я нанесу её на карту, другие придут, — сказал Самуил.

— Они уже могут прийти, — ответила Руна. — Вопрос в том, скажете ли вы им, что здесь никого нет.

— Я не скажу, что никого нет.

— Тогда скажете, сколько нас?

Самуил посмотрел на людей у стен. Они не прятались от него, но и не представлялись.

— Я не знаю.

— Это правильный ответ.

Когда они закончили, мужчина у сети подошёл к Ларсу. Его звали Йоаким. Он был хром, как Олаф, но отказывался объяснять почему. Они вместе осмотрели береговой лес. Доски были частью старого борта, просоленные, но крепкие. Ларс мог использовать их для ремонта; если отдать часть группе Руны, она могла бы починить лодку, на которой доставляла воду.

— Борт судна важнее маленькой лодки, — сказал Хансен.

— Для нас — да, — ответил Ларс. — Для них — не обязательно.

— Мы заплатили за груз.

— За бочки. Не за берег.

Хансен посмотрел на него, но не стал спорить при чужих.

Элиас разрешил разделить древесину: две доски — на корабельную заплату, одну — общине. Это решение не понравилось ни одной стороне полностью, а потому показалось капитану честным.

Перед уходом Руна остановила его.

— Вы хотите узнать, что случилось с братом.

— Да.

— Тогда принесите его карту. Не копию. Ту, что была у него.

— Она у меня.

— Нет. У вас есть кусок, который море вернуло. Карта была больше.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я держала её.

Она не сказала ничего больше.

15. Книга имён

Вечером Самуил начал новую страницу судового журнала. Он записал число людей, которых видел в поселении: восемь. Потом зачеркнул число и написал: «не менее восьми». Затем снова зачеркнул.

Ларс наблюдал, как он пытается найти формулировку, которая не превратит наблюдение в владение.

— Если мы запишем их всех по именам, что изменится?

— спросил он.

— Тогда мы сможем считать их.

— Они уже себя считают.

— Да. Но если мы вернёмся сюда, чужие люди спросят, сколько их и кто они. Карта без людей тоже ответ.

— А запись без согласия — ловушка.

— Возможно.

Самуил закрыл журнал.

— Я не знаю, что с этим делать.

— Капитан сказал считать всё.

— Он не говорил, что делать со счётом.

На следующее утро Элиас принёс на берег карту Матиаса. Руна развернула её на каменной плите и не прикоснулась к бумаге.

— Здесь не хватает нижнего края, — сказала она.

— Его оторвало.

— Нет. Его отрезали.

Элиас наклонился над листом. Края действительно были ровными, хотя море размочило и иссушило бумагу. Он всегда считал, что недостающий фрагмент оторвался во время крушения.

— Кто его отрезал?

— Тот, кто не хотел, чтобы эту часть прочитали.

— Матиас?

— Не знаю.

— Вы держали карту. Вы должны знать, откуда она взялась.

Руна подняла на него глаза.

— Я знаю, что она была у него. Не знаю, кто сделал каждую линию. Не знаю, что он хотел оставить вам. Не знаю, правда ли это был ваш брат или человек, который взял его имя, потому что оно было полезно.

Элиас резко свернул карту.

— Вы сказали, что он умер.

— Я сказала, что человек с этим именем умер здесь.

— Это не одно и то же.

— Теперь вы слышите разницу.

Она объяснила, что восемь лет назад к берегу пришла шлюпка с «Альбатроса». В ней было семеро. Один умер до зимы. Двое ушли по льду за помощью и не вернулись. Остальные остались у поселения. Капитан Матиас Хальворсен прожил ещё три года. Он умер не от льда и не от голода, а от воспаления после раны, которую не удалось вылечить.

— Где он похоронен? — спросил Элиас.

— Здесь.

— Покажите.

— Сначала вы должны понять: он не оставил могилу с надписью. Мы не ставим имена там, где берег может их унести.

— Он был моим братом.

— Для вас. Для нас он был человеком, который однажды

пришёл с корабля и не вернулся в море.

— Он просил передать мне что-нибудь?

— Да.

— Что?

— Чтобы вы не шли за ним.

Элиас долго молчал. Потом сказал:

— Он знал, что я приду.

— Он знал, что вы можете прийти. Это не то же самое.

Руна достала из кармана плоскую деревянную пластину. На ней было вырезано четыре насечки и начальная буква «Э». Элиас узнал нож, которым отец учил их резать метки на семейном ящике. Матиас забрал его перед последним рейсом.

Пластина была подтверждением — но не доказательством смерти. Её мог вырезать другой человек, зная историю семьи. Элиас принял её осторожно, будто вещь могла порезать.

— Почему вы не передали это раньше?

— Вы пришли сегодня утром.

— Вы свистели всю ночь.

— Один раз. Вы ответили не тем сигналом.

— Я не знал, какой нужен.

— Теперь знаете: ответить один раз, потом ждать до утра.

— Я не мог ждать.

— Могли. Просто не хотели.

Слова ударили точнее, чем обвинение. Элиас убрал пластину в карман.

— Мне нужно увидеть место.

— Завтра. Сегодня прилив.

— Там опасно?

— Там вода. Не всегда это разные вещи.

Когда он вернулся на судно, Хансен ждал у трапа.

— Что она сказала?

— Мой брат умер.

— Ты ей веришь?

Элиас не ответил.

— Если не веришь, зачем слушал? — спросил Хансен.

— Потому что она могла знать его.

— А если врёт?

— Тогда я хотел бы знать, почему.

16. Цена стоянки

Ремонт шёл медленно. Доски с берега подошли, но корабельный мастер не хотел ставить их в корму без смоляной пропитки. Смола была на борту, однако восконная бочка просела и почти опустела. Ларс предложил разобрать старую бочку из испорченного груза. Олаф настоял, что клёпки ещё пригодятся для других запасов.

— Если починим корпус сейчас, потеряем две бочки.

— Если не починим, можем потерять весь груз.

— Капитан решит.

— Капитан уже решил, что идти в пролив важнее, чем

сохранить якорь.

Олаф положил молоток.

— Не путай одно решение с другим.

— Я не путаю. Я пытаюсь понять, почему каждый раз выбирают корабль.

— Потому что на корабле люди.

— А на берегу?

Олаф посмотрел на него с усталостью, которую не скрывал даже от самого себя.

— Вот об этом и думай, когда будешь выбирать за них.

В тот же день на судно принесли известие от владельца. Гонец с другого промыслового судна нашёл их по следам у входа в бухту. Восс требовал немедленно выйти к северным банкам, где в сезон держались киты. Он не знал о людях на берегу и повреждении корпуса; капитан должен был сообщить ему данные, когда появится возможность.

Послание было доставлено с «Морской девы», другого судна Восса, которое держалось южнее. Капитан Марек, встретивший их в проливе, предложил обменяться запасами. Он был старше Элиаса, хорошо знал промысел и не задавал вопросов, на которые не хотел отвечать.

— Если вы простоите здесь ещё неделю, сезон уйдёт, — сказал Марек. — У меня есть киль и якорь, который можно одолжить. Но я хочу ваши промеры пролива.

— Мы не отдаём промеры без разрешения владельца, — сказал Элиас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.